

УДК: 904.5(4/5)“6383”

А. Наглер

КУРГАНЫ ЕВРАЗИИ — НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПАМЯТНИКИ И НОВЫЕ ЗАДАЧИ ИХ ИССЛЕДОВАНИЯ ¹

В статье предложен новый подход к раскопкам курганов, опробованный в ходе исследований целого ряда больших курганов Евразии (Казахстан, Южная Сибирь, Тува, Северный Кавказ). В результате этих исследований удалось достоверно установить, что курганы являются архитектурными сооружениями, возведенными из различных строительных материалов. Автор предлагает дефиницию кургана, приходит к выводу о неверности самого термина «насыпь», а также ставит под сомнение традиционные методы раскопок курганов.

Ключевые слова: Евразия, ранние кочевники, курган, архитектура.

На протяжении всей человеческой истории степи Евразии были заселены многочисленными племенами и народами, оставившими после себя яркие и нередко единственные свидетельства их самобытной культуры — погребальные памятники в виде курганов. Они являются самыми многочисленными памятниками археологии континента, расположены обычно группами (в археологической литературе их называют курганными могиль-

никами) и на протяжении тысячелетий стали естественной, неотъемлемой частью степного ландшафта. Количество курганов в каждом из регионов степи было велико. Вот как описывает его в начале XX вв. в степях Среднего Енисея известный археолог Геро фон Мерхарт: «...ein Hügel, ein zweiter, dann eine langgezogene Reihe, ein weiteres Feld, übersät, überschauert mit schwarzen Hagelkörnen. ...Dann wieder... noch immer Gräber, ein neues Feld, Friedhof an Friedhof auf viele Kilometer hin...» (перевод автора): «...один курган, второй, затем их длинный ряд, еще одно поле усеянное, покрытое черными градинами... потом еще одно... еще и еще могилы, новое поле, могильник за могильником на протяжении многих километров...» (Merhart 2008, S. 112—113). Подобная картина была свойственна практически всей Большой степи, как в ее азиатской, так и в европейской части.

После вхождения степного пояса в состав Российской империи здесь начинается активная хозяйственная деятельность, в ходе которой происходило повсеместное разрушение курганных памятников.

Достаточно просмотреть спутниковые снимки степных регионов, чтобы воочию увидеть, что сохранившиеся на сегодняшний день курганы — лишь жалкие остатки былой массы этих памятников. Такая ситуация фиксируется специалистами и в степных районах Украины. Здесь процесс разрушения курганов прослеживается с конца XIX в. Так, уже в 1876 г. Д. Я. Самоквасов зафиксировал, что у с. Яблонка после многолетней распашки из более чем 100 курганов сохранилось лишь 11; у г. Василькова в середине XIX в. насчитывалось около 400 курганов, а к 1950 г. осталось только

1. Основные положения данной работе были представлены автором в докладе на Международном симпозиуме «Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы» (22—26 июня 2015 г., Новосибирск), опубликованном в сборнике материалов симпозиума (Наглер 2017). В настоящую статью внесены некоторые изменения и дополнения. Автор искренне надеется, что изложенное здесь будет по-деловому и позитивно воспринято украинскими коллегами и послужит началом дискуссии об известной всем археологам и, бесспорно, катастрофической ситуации, сложившейся с курганами Евразии.

4 больших и несколько распаханных мелких (Мозолевский, Полин 2005, с. 196—197).

Во второй половине XX в. разрушение курганов приняло огромные масштабы, когда десятки тысяч их снесли, сравняли с землей и распыхали. Это происходило в Сибири, Казахстане, на Северном Кавказе, в Украине, Молдове и других регионах в процессе так называемого освоения целинных земель или гигантских мелиоративных строек. Всюду сносились курганы при строительстве больших и малых водохранилищ, дорог, а также и в ходе повседневной хозяйственной деятельности. В результате самоотверженного труда археологам удалось предотвратить утрату большого количества бесценных свидетельств человеческой культуры, иногда это были яркие, выразительные комплексы, находки из которых являются гордостью многих музеев. Но нужно честно признать, что масштабы спасенного и навсегда утраченного, к сожалению, несопоставимы.

Таким образом, существующую на сегодняшний день ситуацию с сохранностью курганов иначе как катастрофической не назовешь.

Научное изучение курганов было начато Д. Г. Мессершмидтом в 1722 г. в Минусинской котловине (Средний Енисей), где он раскопал несколько курганов на левобережье реки Абакан. За прошедшие с тех пор три века археологами в степях Евразии было раскопано огромное количество курганов, находки из которых являются основным, часто единственным материалом для изучения различных эпох.

Основная часть их была раскопана в XIX и XX вв. К сожалению, документация ранних раскопок (если она вообще имеется) оставляет желать лучшего. Конструкции курганных сооружений, как зачастую и конструкции могил, практически не изучались. Сами методы раскопок археологов мало чем отличались от методов грабителей. Главной целью также было получение дорогих, эффектных вещей, а «рядовой» материал часто просто выбрасывался.

К середине XX в. методики полевых работ становятся более совершенными, уровень полевой документации значительно повысился, а так называемые «курганные насыпи» фиксируются более тщательно. И все же представление о самом кургане, как о некой «насыпи» над могилой («насыпями» и «досыпками» над могилами) господствует в археологии и на сегодняшний день.

Тем не менее, в результате накопления научных наблюдений понимание курганных памятников постепенно менялось. Качественное изменение произошло в 1961 г. когда М. П. Грязновым была сформулирована идея о том, что курган — это не насыпь, а утратившее свой первоначальный облик древнее архитектурное сооружение, оплывшее и принявшее форму округлого холма (Грязнов 1961, с. 22—25). Идея эта, к сожалению, была только

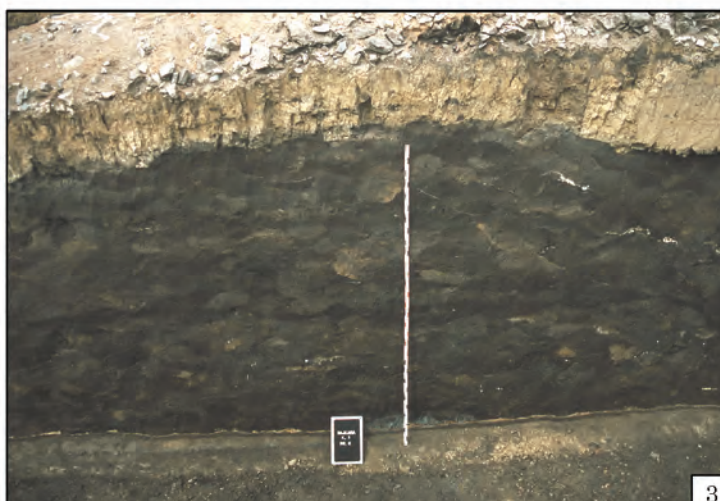
сформулирована, высказана в тезисном варианте и автором в дальнейшем не развивалась. Несмотря на всю свою перспективность, в курганной археологии она была поддержана лишь отдельными исследователями, пришедшими к пониманию целостности всего памятника — не только могил и содержащегося в них инвентаря, но и возведенного над ними архитектурного сооружения (напр., Чернопицкий 1980, с. 176—186) и, к сожалению, так и не получила практического развития. Большинство курганов Евразии раскапывалось без уделения должного внимания «насыпи» кургана, а исследователи концентрировали свое основное внимание на находках. Отдельные исключения, как, например, серьезное исследование и анализ сооружения кургана Чертомлык, являются, увы, всего лишь исключениями. Здесь необходимо отметить, что строительные материалы данного кургана были исследованы специалистами-почвововедами, чего ранее никогда не делалось. Тем не менее, и в публикациях Чертомлыка авторы исследования от понятия «насыпь» так и не отошли (Rolle u. a. 1998, S. 34—64).

Это усугубляется и тем, что подавляющее большинство раскопок курганов являлись спасательными (т. н. новостроечными) и проводились обычно в спешке, в связи с чем очень много информации, особенно относящейся к конструкции самих курганов, не фиксировалось должным образом. В качестве примеров достаточно вспомнить курганы Иссык (Южный Казахстан), где описанию курганного сооружения отведено всего четыре строки (Акишев 1978, с. 15) или Толстая Могила (Украина), где «насыпи» не было уделено должного внимания, и очень много информации, относящейся к конструкции погребального сооружения, не было зафиксировано (Мозолевский 1979; 1980). Наши знания об архитектуре курганов, о ее региональных особенностях, остаются и сегодня весьма и весьма ограниченными.

В настоящее время ситуация начинает меняться, прежде всего, в Центрально-Азиатском регионе, где в последние годы российскими, казахстанскими и германскими специалистами совместно были изучены несколько больших курганов раннего железного века: Байкара, Аржан 2, Барсучий Лог, Жоан Тобе, Аксуат, Жиренкопа (рис. 1: 1).

Именно большие курганы (в литературе их обычно называют «элитными» или «царскими») представляют особый интерес, поскольку в них сосредоточено максимальное количество научной информации о культурах. Они являлись не только погребениями элиты, но и местом погребения сложных, порой драматических погребальных и поминальных обрядов, оставивших следы в этих памятниках.

Совместные исследования велись мультидисциплинарно и в изучении курганов, помимо археологов, уже во время полевых работ

Рис. 1. Большие курганы Евразии в мультидисциплинарном исследовании: 1 — карта расположения исследованных курганов Евразии (картооснова: DAI 2015); 2 — большой курган Байкара (Северный Казахстан); 3 — построенное из кусков дерна курганное сооружение кургана Байкара

принимали участие геофизики, почвоведы, палеоботаники, палеозоологи, антропологи, генетики и представители других наук. Объем получаемой информации неизмеримо возрос количественно и качественно.

Одним из первых больших курганов, при исследовании которого наиболее полно применялись возможности современной науки, а во время раскопок само курганное сооружение тщательно изучалось во всех его деталях, был Большой курган Байкара в Северном Казахстане диаметром 85 м и высотой 7 м (рис. 1: 2).

В результате раскопок было установлено, что Большой курган Байкара являлся сложным архитектурным сооружением, построенным в V в. до н. э. из камня, дерева, глины, но основным строительным материалом служили куски дерна (рис. 1: 3). Они использовались для строительства по всей степи. Из них были построены большие курганы Украины, Северного Кавка-

за, Филипповские курганы на Южном Урале, Чиликты в Казахстане и многие другие.

Исследования кургана Байкара позволили выявить четыре этапа его строительства, наличие в его центральной части внутреннего помещения и трех ходов, ведущих в это помещение. Размеры кургана, сложность и тщательность сооружения конструкций свидетельствуют о том, что его строительство потребовало не только огромных затрат материала и труда, но и продуманного планирования, а также руководства строительством, за которыми стоят традиции и большой опыт возведения подобных сооружений (Parzinger u. a. 2003).

Подобным памятником являлся и большой курган Барсучий Лог в Минусинской котловине (Средний Енисей). Он представлял собой пирамиду высотой около 9 м с почти квадратным основанием 55 × 52 м, обрамленным массивной каменной оградой (рис. 2: 1). До начала раско-

Рис. 2. Большой курган Барсучий Лог, Хакассия, Средний Енисей: 1 — вид до раскопок; 2 — процесс раскопок кургана

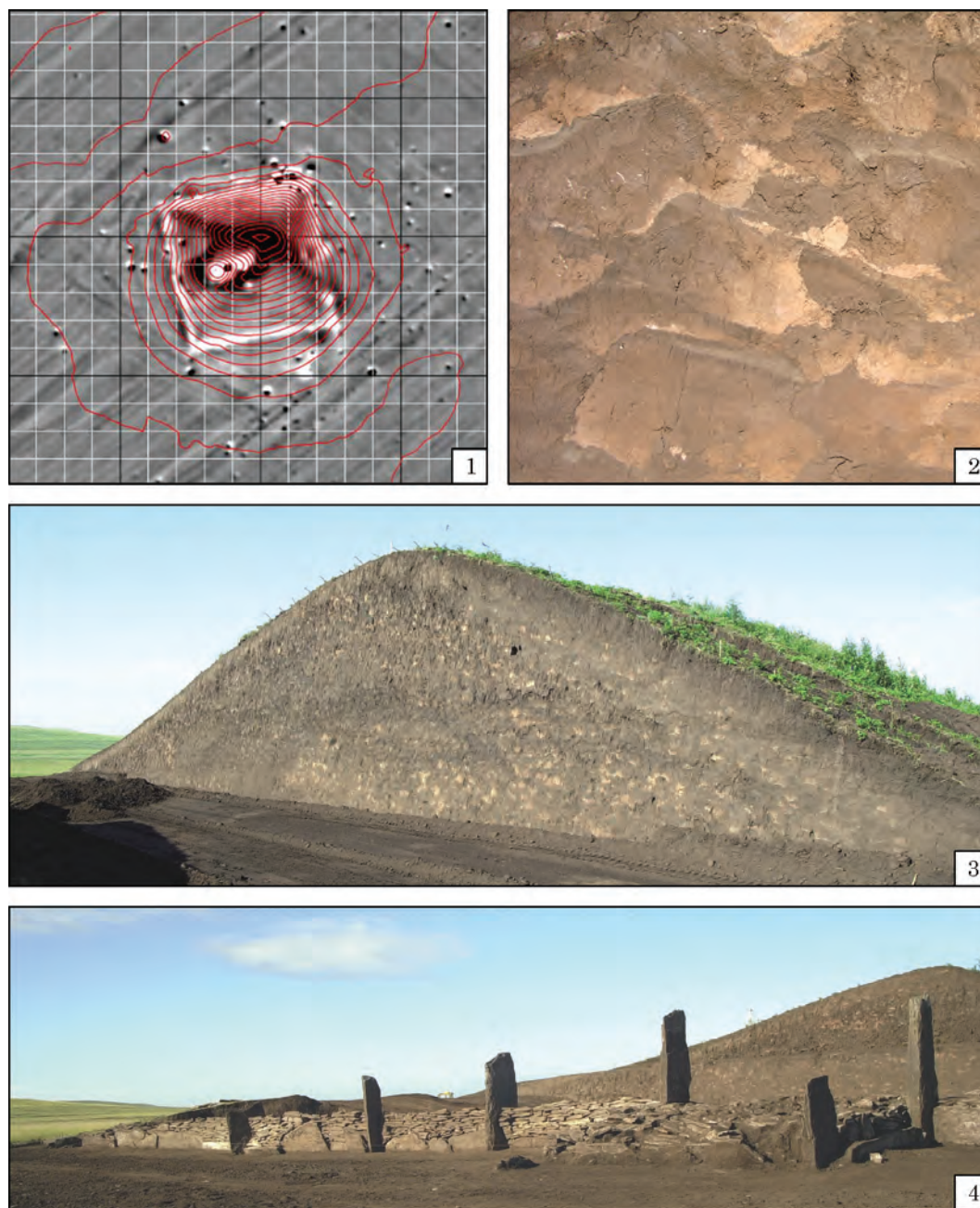
пок были проведены геофизические исследования. Курган раскапывался по той же методике, что и Большой курган Байкара, параллельными траншеями, с оставлением семи стратиграфических бровок (рис. 2: 2). Это позволило детально проследить конструкции сооружения, выявить на его площади следы ритуальных действий, сопровождавших этапы строительства. Их, как и на кургане Байкара, было четыре. Курган был построен из кусков дерна, причем внутреннее его ядро, представлявшее собой прямоугольную платформу (рис. 3: 1), было сложено с применением раствора из голубовато-серой глины, хорошо промятой, содержащей большое количество речного ила (рис. 3: 2, 3). В курганах раннего железного века Евразии подобный факт был зафиксирован впервые, и это заставляет по-новому оценить уровень развития строительного дела у ранних кочевников. В западной части кургана из крупных бревен лиственницы был сооружен деревянный склеп (Parzinger u. a. 2010, S. 169—282).

Курганы Байкара и Барсучий Лог были построены в одно время, в V в. до н. э. Внешне они сильно отличались друг от друга. Барсучий Лог — пирамида с прямоугольной каменной оградой (рис. 3: 4) — это архитектурная традиция, характерная только для Среднего Енисея и имеющая свои корни в местных культурах эпохи бронзы. Большой курган Байкара был круглым, окруженным рвом, имел каменный панцирь. Но оба, несмотря на различия, были построены из кусков дерна по общей древней традиции — три крутых и один пологий склоны, плоская вершина. Оба кургана имели сходство в деталях, их строительство осуществлялось в несколько этапов, каждый из которых

сопровождался ритуальными церемониями. Все это совершенно очевидно свидетельствует о сходных религиозных воззрениях, традициях и общем культурном комплексе, истоки которых следует искать в Центральной Азии. Именно там были изучены древнейшие из ныне известных курганов ранних кочевников — Чиликты (Восточный Казахстан) и Аржан (Тува).

Здесь, в долине реки Уюк, расположен грандиозный курганный некрополь, в который входит цепь из четырех больших круглых каменных платформ. Самая западная из них — курган Аржан — была раскопана в 1970-е гг. Она представляла собой сложную деревянную конструкцию из радиально расположенных погребальных камер с человеческими и конскими захоронениями, перекрытую массивной кладкой из каменных плит (рис. 4: 1). Курган Аржан датируется концом IX — началом VIII в. до н. э. и является самым древним памятником скифо-сакского времени.

Крайняя с востока каменная платформа диаметром до 80 м и высотой до 2 м (рис. 4: 2) — курган Аржан 2 — была раскопана совместной экспедицией Германского Археологического Института (Берлин) и Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург), при активном участии специалистов Института археологии и этнографии СО РАН. До начала раскопок на кургане были проведены геофизические и геофизические работы, результаты которых показали, что каменная платформа является центральной частью сложного комплекса (рис. 5: 1). К северу, западу и востоку от нее были выявлены многочисленные каменные кольца различного размера, внутри которых находились кусочки древесного угля, пепел, оплавленные

Рис. 3. Большой курган Барсучий Лог: 1 — результаты геофизической разведки; 2 — куски дерна, уложенные на глинистом растворе; 3 — профиль построенного из кусков дерна курганного сооружения; 4 — каменная ограда кургана

металлические детали конской сбруи, фрагменты сожженных костей лошадей, крупного и мелкого рогатого скота (рис. 5: 2). В южной части комплекса были расчищены круглые каменные конструкции различных размеров. На них и вокруг их было найдено большое количество фрагментов костей крупного и мелкого рогатого скота со следами расколов и порезов. Здесь же был найден обломок бронзового ножа. Видимо, здесь неоднократно производились тризны. Можно с уверенностью говорить о длительном культовом функционировании комплекса.

Каменная платформа была построена из плит песчаника и укреплена по краям массивным каменным валом. В центральной могиле

находилось парное захоронение (мужчина и женщина) представителей высшего социального слоя ранних кочевников (рис. 6: 1). Помимо «царской», курган содержал еще сопроводительные могилы — мужские, женские и детские. Большая часть погребенных в этих могилах была убита, скорее всего, в ходе кровавого ритуала. Кроме того, в кургане были погребены 14 коней (рис. 6: 2), а также клады, содержащие конское снаряжение и предметы вооружения (Сугунов и др. 2010; Чугунов и др. 2017).

В результате раскопок Аржана 2 стало окончательно ясно, что в состав кургана входят не только могилы и построенное над ними соору-

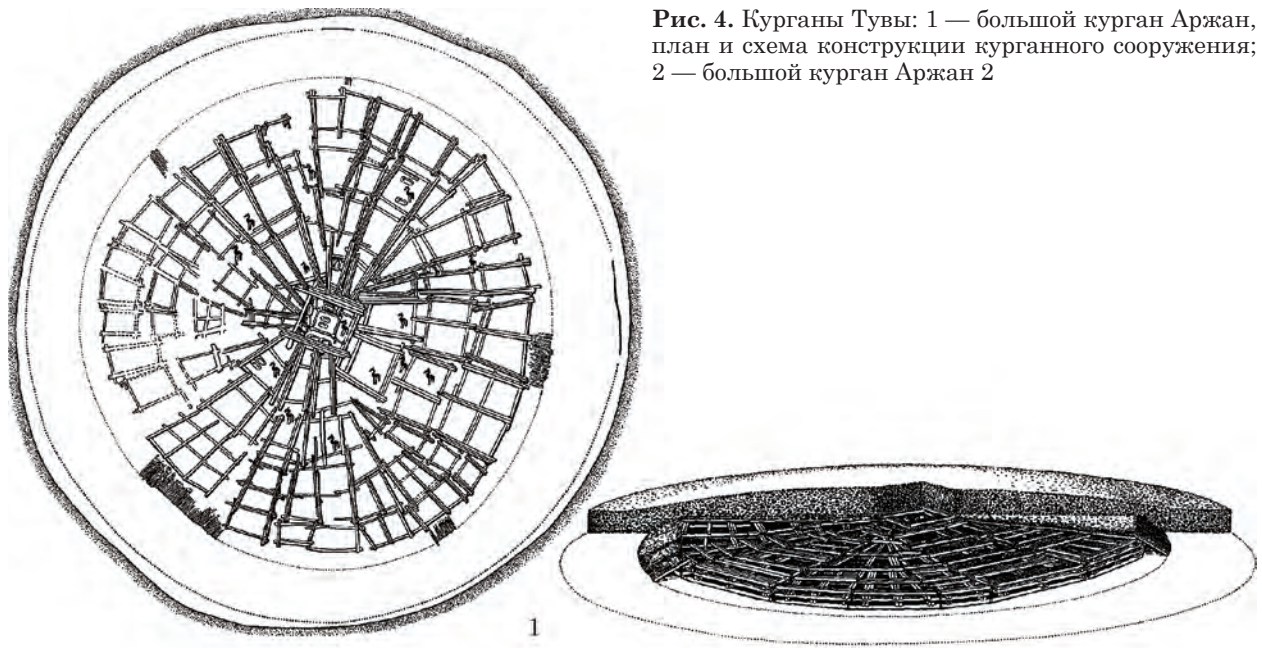

Рис. 4. Курганы Тувы: 1 — большой курган Аржан, план и схема конструкции курганного сооружения; 2 — большой курган Аржан 2

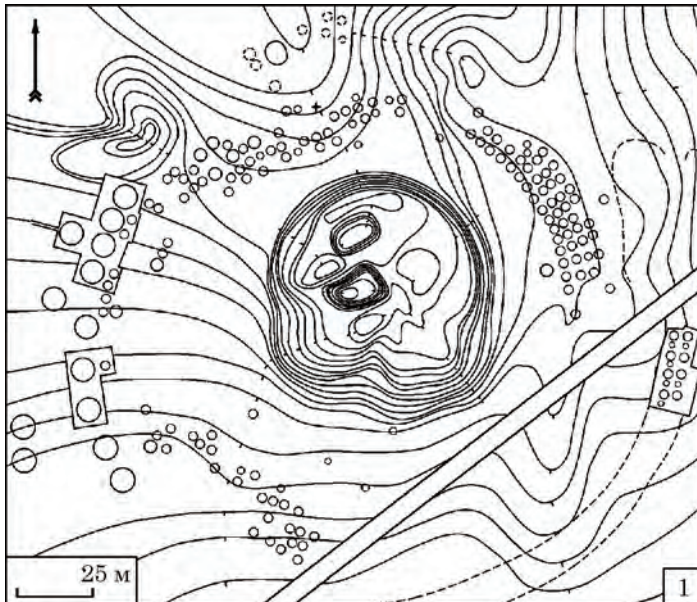
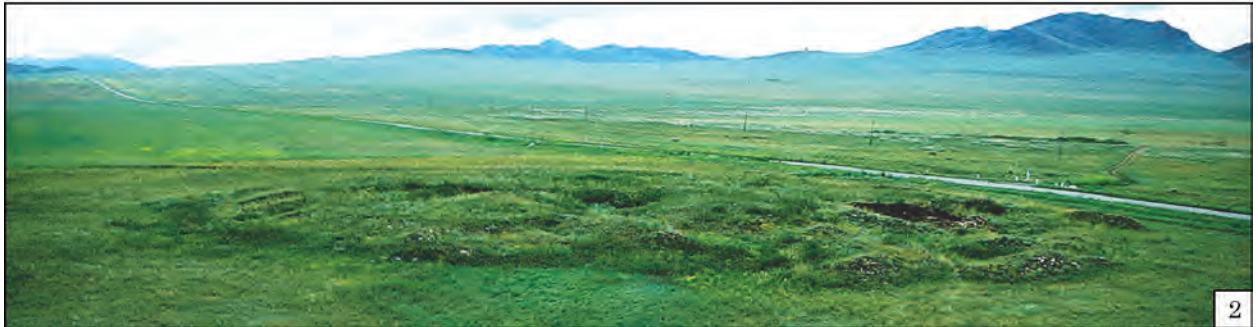

Рис. 5. Большой курган Аржан 2: 1 — план комплекса; 2 — одно из ритуальных каменных колец с остатками кремации

жение, но и третий элемент — примыкающая к ним территория, периферия кургана, содержащая культурные остатки, связанные как со строительством самого объекта, так и с проводившимися здесь ритуальными действиями. Эти остатки не всегда видны на поверхности,

но исключить их наличие, особенно в больших курганах, нельзя. В этом плане весьма показателен случай с Александропольским курганом. Он был первым большим курганом европейской части степей Евразии (высота более 20 м), полностью раскопанным в 1852—1856 гг. с на-

Рис. 6. Большой курган Аржан 2: 1 — центральная могила; 2 — конское захоронение

учной целью. В последние годы были проведены раскопки его периферии. За рвом (диаметр более 110 м, глубина 1,7—3,3 м, ширина до 5,0 м), с западной стороны, были обнаружены остатки нескольких тризн. Одна из них охватывала курган полосой шириной до 15 м на протяжении около 110 м. В тризне были найдены фрагменты многочисленных сосудов, в том числе около 200 амфор, большое количество бронзовых, железных и золотых изделий. К ней относились и 10 мужских могил, содержавших оружие и детали конского снаряжения, а также одна женская могила. Погребенные, как и кургане Аржан 2, были насильственно умерщвлены (Полин 2010, с. 262—307). Тризны были найдены и на периферии ряда других скифских курганов Украины (Мозолевский, Полин 2005, с. 287—294).

Не имеющая никаких внешних признаков насыщенная периферия была выявлена в 2011 г. в результате геомагнитной разведки курганного могильника Тёртоба (Западный Казахстан). В результате ее раскопок было установлено, что здесь мы также имеем дело с жертвенными комплексами, содержавшими захоронения коней, бронзовый котел, керамику, а также захоронения людей (Fassbinder et al. 2013, р. 50—57). В этой связи нельзя не вспомнить раскопки больших курганов у села Филипповка, давшие уникальные находки. Несмотря на то, что там рядом с курганными сооружениями были найдены фрагменты бронзовых котлов и другие предметы, курганная периферия, к сожалению, не была исследована. Поскольку

Тёртоба находится близко от Филипповки и является одним из курганных могильников данного региона, наличие подобной периферии на других могильниках, в том числе и Филипповском, более чем вероятно. Кроме того, несмотря на довольно большое количество публикаций, в том числе и монографий, о раскопках этого могильника (напр. Яблонский 2013; Treister, Yablonsky 2013), мы ничего до сих пор не знаем о конструкции курганных сооружений.

Совершенно необычной является периферия курганов Семиречья (Южный Казахстан). Она была исследована на одном из них, могильнике Жоан Тобе. Проведенные до раскопок геофизические исследования выявили большое количество каменных округлых сооружений вокруг кургана. Раскопки показали, что под ними находились могилы. Весь этот комплекс был окружен мощеной камнем кольцевой дорогой, построенной, скорее всего, в ритуальных целях (рис. 7: 1). Это первое свидетельство о наличии в Евразии дорожного строительства в столь раннее время. Техника его была достаточно высокоразвитой: трасса дороги была выравнена, утрамбована и вымощена камнями средней величины. Это был фундамент будущей дороги, ограниченный по краям крупными продолговатыми камнями. Затем в образованное каменное ложе был уложен и утрамбован слой глины, перемешанной с мелким щебнем. Причем это дорожное покрытие слегка возвышалось к середине, что обеспечивало сток с него дождевой воды (рис. 7: 2). Аналогов такой высокоразвитой строительной техники в V в.

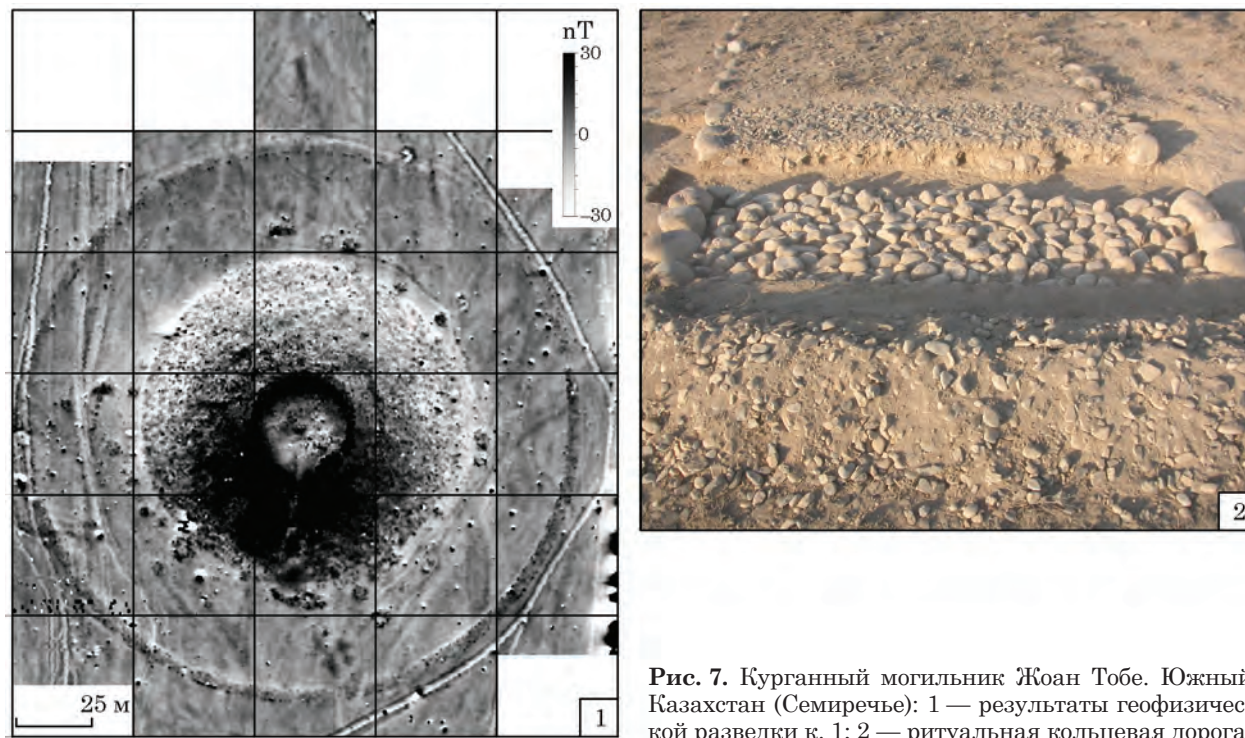

Рис. 7. Курганный могильник Жоан Тобе. Южный Казахстан (Семиречье): 1 — результаты геофизической разведки к. 1; 2 — ритуальная кольцевая дорога

до н. э. пока не известно. Трудно представить, что такая техника дорожного строительства применялась только в курганных памятниках (Nagler u. a. 2010, S. 49—54).

Раскопки могильника Жоан Тобе показали, что здесь, в Семиречье, не только курганная периферия имела свои особенности. Курганные сооружения строились не из кусков дерна, а из плотной утрамбованной глины. После возведения кургана вся его поверхность тщательно обмазывалась жидкой глиной, на которую «наклеивался» каменный панцирь, облицовывавший все сооружение. В такой же технике была построена и внутренняя, еще более плотная надмогильная конструкция. С глинобитной строительной техникой мы столкнулись и при раскопках курганов гунно-сарматского времени в Аксуате, Восточный Казахстан. Здесь курганы имели свою особенность. Они стояли на глинобитных платформах (Nagler, Samasev, 2010, S. 47—48; Самашев и др. 2010, с. 94—105). Глинобитные курганные сооружения известны уже в раннесакское время. Такими были раскопанные в Чиликтинской долине курганы, датируемые VII в. до н. э. (Черников 1965).

На сегодняшний день можно говорить о том, что намечаются три строительных традиции возведения курганных сооружений — каменные, сооружения из кусков дерна, глинобитные сооружения. Все они существовали уже в раннесакское время и, возможно, складывались и получили свое развитие в разных регионах Евразии.

Глинобитные сооружения, а не т. н. «насыпи», возводились над могилами уже в эпоху

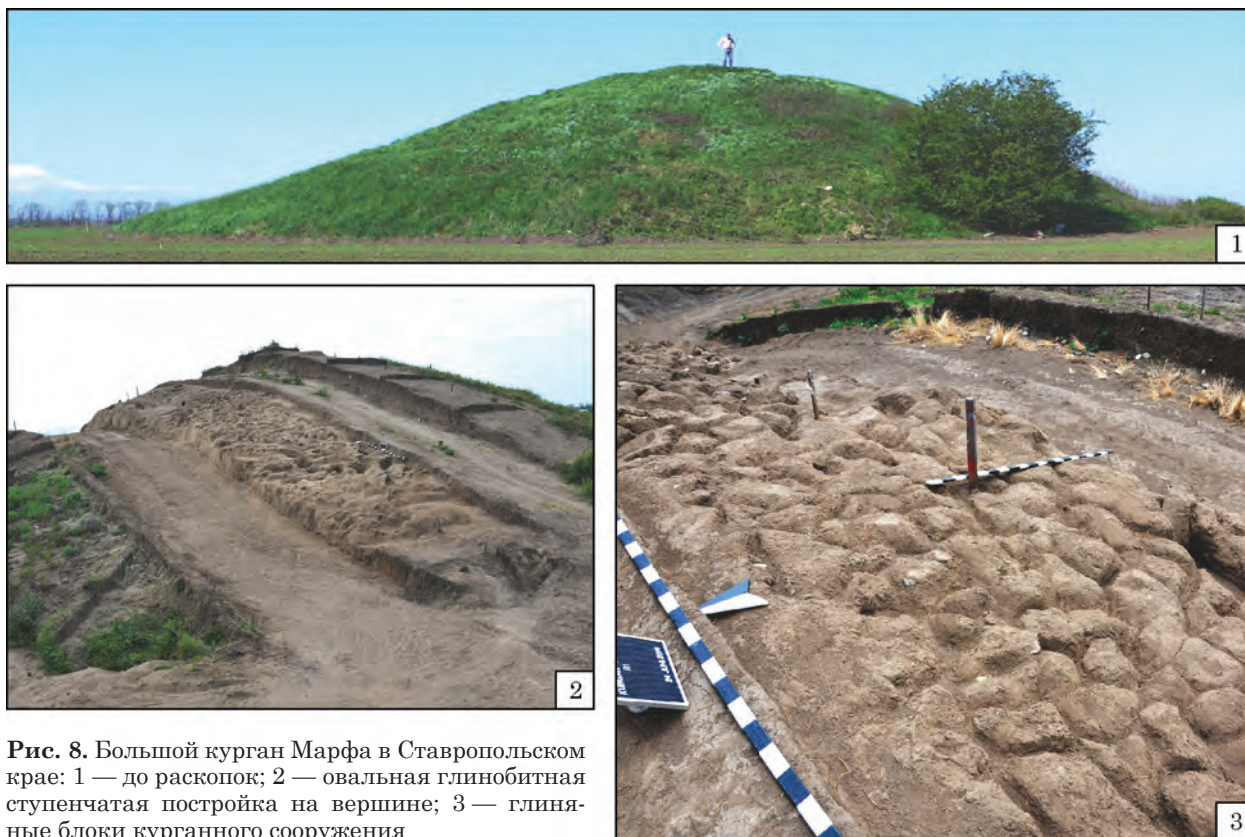
ранней бронзы. Это подтвердили совместные российско-германские раскопки большого кургана Марфа (Nagler 2014, S. 58—59) (IV тыс. до н. э., майкопская культура) в Центральном Предкавказье (рис 8: 1). Сооружение кургана было возведено из глиняных блоков, а также глинобитных слоев (рис. 8: 2, 3). В периферии кургана были раскопаны погребения, жертвенные комплексы, а также необычайно интересные архитектурные остатки. Они представляли собой вымощенные глиняными блоками площадки, на одной из которых находилась кольцевая постройка, сложенная из глиняных блоков, аналогичных блокам кургана.

Сложное глинобитное сооружение представлял собой раскопанный в 2015 г. курган 6 (майкопская культура) у станции Георгиевской Ставропольского края. Над его центральной могилой была возведена глинобитная постройка из темной глины, содержащей большое количество речного ила. Она была перекрыта сооружением из ленточного глинобита (т. н. пахса) (рис. 9: 1). Из глиняных блоков был построен курган эпохи бронзы у станции Лысогорской Ставропольского края (рис. 9: 2, 3) ¹.

Итак, исследования последнего времени серьезно изменили наши знания о курганах. Мультидисциплинарный подход к их изучению позволил дать дефиницию этого вида памятников, которой до сих пор в науке не существовало:

1. Выражаю искреннюю благодарность коллегам С. Мячину и Я. Березину за любезно предоставленный ими материал для публикации.

Рис. 8. Большой курган Марфа в Ставропольском крае: 1 — до раскопок; 2 — овальная глинобитная ступенчатая постройка на вершине; 3 — глиняные блоки курганного сооружения

Рис. 9. Большие курганы Ставрополя: 1 — курган у ст. Георгиевской, построенное из глинобитных сегментов надмогильное сооружение; 2 — курган у ст. Лысогорской, курганное глинобитное сооружение; 3 — глиняные блоки курганного сооружения у ст. Лысогорской

Курган является погребально-ритуальным комплексом, состоящим из связанных в единое целое трех частей:

1 — захоронений, кладов, жертвенных комплексов;

2 — построенных над ними сооружений, порой сложных и монументальных, являющихся памятниками своеобразной архитектуры.

3 — территории, прилегающей к сооружению или курганной периферии. Она содержит рвы,

поминальные комплексы, могилы, артефакты, культурные остатки, связанные как со строительством комплекса, так и с проводившимися здесь ритуальными действиями (Nagler 2013; Наглер 2013, с. 222—232).

Данное определение кургана приводит к необходимости изменить многое в их изучении. Участие в исследованиях большого количества представителей других наук заставляет во время раскопок максимально учитывать специфику их работы, облегчить им отбор проб для лабораторных исследований, принимать во внимание их рекомендации и т. д. Все это значительно повышает ответственность археологов за проведение полевых работ и, естественно, должно отразиться в их методике.

Сегодня археологи РФ руководствуются методикой раскопок курганов, изданной Институтом археологии РАН в 2011 г. Она, бесспорно, содержит много положительного в своей технической части, но касается только курганов Предкавказья (Кореневский 2011). По данной методике основными элементами кургана являются: «насыпь»; «погребенная почва», ... т. е., *поверхностный слой земли с растительностью, на которой насыпался курган; «материк» — слой земли ниже уровня погребенной почвы».*

О мультидисциплинарных исследованиях на кургане в данной методике вопрос не ставится, а о курганной периферии нет ни слова.

В «Положении о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации» от 2013 г. уже предписывается производить исследование прилегающей к кургану «...территории, на которой могут быть обнаружены ровики, присыпки, тризны, остатки древних пашен и тому подобное». Но, тем не менее, и здесь о курганах, как и в Методике, говорится как о насыпях над могилами, а не как об остатках архитектурных сооружений, и этот старый подход к памятникам уже в значительной мере предопределяет их судьбу. Иными словами, ежегодно раскапывается большое количество курганов не комплексно; один из основных их элементов — архитектурное сооружение — продолжает изучаться на уровне прошлого века как «насыпь», другой — периферия — как правило, не изучается вообще.

Следует с сожалением констатировать, что материалы из практически всех на сегодняшний день раскопанных курганов Евразии реально не имеют археологического контекста, а полученная из них информация ущербна и фрагментарна. В принципе, исходя из вышеизложенного, копающие по-старому и руководствующиеся старыми представлениями о курганах археологи (а их, к сожалению, большинство) практически представляют в данное время для курганов большую опасность, чем грабители. Грабители не уничтожают периферию, не уни-

тожают полностью сооружение кургана и даже в ограбленных ими могилах остается немало для науки — антропология, часть инвентаря и т. д. Видимо, стоит, наконец, подумать и о том, что в последние два десятилетия отношение к курганам в археологической среде сильно, если не сказать, радикально изменилось. Первоочередной задачей у большинства археологов стала не их охрана, а, увы, «использование», то есть их раскопки стали в большинстве случаев чисто коммерческим предприятием. Новостроечные раскопки доминируют по-прежнему, а археологи заинтересованы в увеличении их числа. Серьезные академические исследования курганов практически не проводятся. Все это является немалым вкладом в пугающую ситуацию, сложившуюся на сегодняшний день с сохранностью курганов Евразии.

Нашей науке необходимо разработать новые технические и методические нормы для раскопок курганов, причем не региональные, а общие. Эти нормы не могут носить просто рекомендательный характер, а должны быть узаконены и, в связи с этим, обязательны для всех. Уже на стадии планирования работ необходимо учитывать то обстоятельство, что при исследовании курганов, особенно больших, следует изучать их полностью, комплексно, с привлечением представителей естественных наук, что, естественно, существенно изменяет и уровень затрат на раскопки. Начинать раскопки курганов следует с проведения на них геофизической разведки и, по ее результатам, с изучения периферии. В противном случае значительное количество информации, содержащейся в объекте, будет безвозвратно утеряно, как это уже случилось с тысячами курганов — исчезающей на наших глазах части мирового культурного наследия.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев, К. А. 1978. *Курган Иссык*. Москва: Искусство.
- Галанина, Л. К. 1997. *Келермесские курганы*. Москва.
- Грязнов, М. П. 1961. Курган как архитектурный памятник. В: *Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г.* Москва: Наука, с. 22-25.
- Кореневский, С. Н. 2011. *Раскопки курганов Предкавказья*. Москва: ИА РАН. Методика полевых археологических исследований, 3.
- Мозолевский, Б. М. 1979. *Товста Могила*. Кипв: Наукова думка.
- Мозолевский, Б. Н. 1980. *Толстая Могила*. Автореферат диссертации канд. ист. наук. ИА АН УССР. Киев.
- Мозолевский, Б. Н., Полин, С. В. 2005. *Курганы скифского Герроса IV в. до н. э.* Киев: Видавець Олег Філюк.
- Наглер, А. 2013. Погребальные сооружения раннего железного века степей Евразии. *Научное обозрение Саяно-Алтая*, 1 (5), с. 222-232.
- Наглер, А. 2017. Курганы Евразии — новый взгляд на памятники и новые задачи их исследова-

ния. В: Молодин, В. И., Хансен, С. (ред). *Мультидисциплинарные методы в археологии. Новейшие итоги и перспективы*. Новосибирск, с. 192-215.

Полин, С. В. 2010. Амфоры Александропольского кургана (по материалам раскопок 2004—2009 гг.). *Античный мир и археология*, 14, с. 262-307.

Самашев, З., Наглер, А., Оралбай, Е., Виеланд, Р., Толегенов, Е., Кариев, Е., Бесетаев, Б. 2010. *Аксуат коргандары (казак-немец церттойлеринин алгашкы корытындылары*. Актобе.

Черников, С. С. 1965. *Загадка золотого кургана. Где и когда зародилось скифское искусство*. Москва: Наука.

Чернопицкий, М. П. 1980. Курганный ансамбль (опыт композиционно-художественного подхода). В: Мартынов, А. И. (ред.). *Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Материалы I Всесоюзной археологической конференции*. Кемерово, с. 176-186.

Чмыхов, Н. А., Шилов, Ю. А., Корниенко, П. Л. 1986. *Методические рекомендации по исследованию курганных памятников для студентов исторического факультета*. Киев: КГУ.

Чугунов, К. В., Парцигер, Г., Наглер, А. 2017. *Царский курган скифского времени Аржан 2 в Туве*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.

Яблонский, Л. Т. 2013. *Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004—2009 гг.)*. Каталог коллекции. Москва: ИА РАН, 1.

Čugunov, K. V., Parzinger, H., Nagler, A. 2010. *Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva*. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern.

Fassbinder, J. W. E., Gorka, T., Chemyakina, M., Molodin, V., Parzinger, H., Nagler, A. 2013. Prospecting of Kurgans by magnetometry: Case studies from Kazakhstan, Siberia and the Northern Caucasus. In: Hookk, D. Yu. (ed.). *Virtual Archaeology (nondestructive methods of prospecting, modeling, reconstructions)*. *Proceedings of the First International Conference held at the State Hermitage Museum, 4—6 June 2012*. Sankt-Peterburg, p. 50-57.

Merhart, G. von 2008. *Daljoko. Bilder aus sibirischen Arbeitstagen*. Wien, Köln, Weimar: Böhlau.

Nagler, A., Samasev, Z., Parzinger, H., Nawroth, M. 2010. Sud-Kazachstan: Kurgane Asy Zaga, Kegen und Zoan Tobe. In: Boroffka, N., Hansen, S. (eds.). *Archäologische Forschungen in Kazachstan, Tadschikistan, Turkmenistan und Usbekistan*. Berlin: DAI, Eurasien-Abteilung, S. 49-54.

Nagler, A., Samasev, Z. 2010. Skythenzeitliche Kurgane in Ostkazachstan: Kurgan-Nekropole Aksuat. In: Boroffka, N., Hansen, S. (eds.). *Archäologische Forschungen in Kazachstan, Tadschikistan, Turkmenistan und Usbekistan*. Berlin: DAI, Eurasien-Abteilung, S. 47-48.

Nagler, A. 2013. Grabanlagen der frühen Nomaden in der eurasischen Steppe im 1. Jahrtausend v. Chr. Unbekanntes Kazachstan. *Archäologie im Herzen Asiens*, 2, S. 609-620.

Nagler, A. 2014. Ausgrabungen am Maikop-zeitlichen Grabhügel «Marfa» im Nordkaukasus. In: Hansen, S. (ed.). *Aktuelle Forschungen in Eurasien*. Berlin: s. n., S. 58-59.

Nagler, A. 2015. Neue interdisziplinäre archäologische Untersuchungen eines Großkurgans in zentralem Kaukasusvorland. In: Kašuba, M., Reinhold, S., Alekšin, V. (eds.). *Der Kaukasus im Spannungsfeld zwischen Osteuropa und Vorderem Orient: Dialog der Kulturen, Kultur des Dialoges (im Gedenken an den 140.*

Geburtstag von Alexander A. Miller). *Internationale Fachtagung für die Archäologie und Humboldt-Kolleg*. Sankt-Petersburg: IGMK RAW, Eurasien-Abteilung DAI, Nevskaja Knihnaja Tipografija, S. 110-112.

Parzinger, H., Zajbert, V., Nagler, A., Plešakov, A. 2003. *Der große Kurgan von Bajkara. Studien zu einem skythischen Heiligtum*. Mainz: Philipp von Zabern. Archäologie in Eurasien, 16.

Parzinger, H., Nagler, A., Gotlib, A. 2010. Der tagarzeitliche Großkurgan von Barsučij Log in Chakassien. Ergebnisse der deutsch-russischen Ausgrabungen 2004—2006. *Eurasia Antiqua*, 16, S. 169-282.

Rolle, R., Mursin, V. Ju., Alekseev, A. Ju. 1998. *Königskurgan Čertomlyk. Ein skythischer Grabhügel des 4. vorchristlichen Jahrhunderts*. Mainz: Philipp von Zabern, I.

Treister, M., Yablonsky, L. (eds.). 2013. *Einflüsse der achämenidischen Kultur im südlichen Uralvorland*. Wien, 2 Bde. Ancient Toreutics and Jewellery in Eastern Europe, 5.

REFERENCES

- Akishev, K. A. 1978. *Kurgan Issyk*. Moskva: Iskusstvo.
- Galanina, L. K. 1997. *Kelermesskie kurgany*. Moskva: b. i.
- Gryaznov, M. P. 1961. Kurgan kak arhitekturnyj pamjatnik. In: *Tezisy dokladov na zasedaniyah, posvjashhenykh itogam polevyh issledovanij v 1960 g.* Moskva: Nauka, s. 22-25.
- Korenevski, S. N. 2011. *Raskopki kurganov Predkavkazia*. Moskva: IA RAN. Metodika polevyh arheologicheskikh issledovanij, 3.
- Mozolevski, B. M. 1979. *Tovsta Mohyla*. Kyiv: Naukova dumka.
- Mozolevski, B. N. 1980. *Tolstaja Mogila*. Avtoreferat disertacii kand. ist. nauk. IA AN USSR. Kiev.
- Mozolevski, B. N., Polin, S. V. 2005. *Kurgany skifskogo Gerrosa IV v. do n. e.* Kiev: Vydavec Oleh Filjuk.
- Nagler, A. 2013. Pogrebalnye sooruzhenija rannego zhelez-nogo veka stepej Evrazii. *Nauchnoe obozrenie Sajano-Altaja*, 1 (5), s. 222-232.
- Nagler, A. 2017. Kurgany Evrazii — novyj vzgljad na pamjatniki i novye zadachi ih issledovanija. In: Molodin, V. I., Hansen, S. (ed.). *Multidisciplinarnye metody v arheologii. Novejšie itogi i perspektivy*. Novosibirsk, s. 192-215.
- Polin, S. V. 2010. Amfory Aleksandropolskogo kurgana (po materialam raskopok 2004—2009 gg.). *Antichnyj mir i arheologija*, 14, s. 262-307.
- Samashev, Z., Nagler, A., Oralbaj, E., Vieland, R., Tolegenov, E., Kariyev, E., Besetaev, B. 2010. *Aksuat korgandary (kazak-nemiec certtojlerinin algashky korytyndylary*. Aktobe.
- Chernikov, S. S. 1965. *Zagadka zolotogo kurgana. Gde i kogda zarodilos' skifskoe iskusstvo*. Moskva: Nauka.
- Chernopickij, M. P. 1980. Kurgannaja gruppa kak arhitekturnyj ansambl' (Opyt kompozicionno-hudozhestvennogo podhoda). In: Martynov, A. I. (ed.). *Skifo-sibirskoe kul'turno-istoricheskoe edinstvo. Materialy I Vsesojuznoj arheologicheskoi konferencii*. Kemerovo, s. 176-186.
- Chmyhov, N. A., Shilov, Ju. A., Kornienko, P. L. 1986. *Metodicheskie rekomendacii po issledovaniju kurgannyh pamjatnikov dlja studentov istoricheskogo fakul'teta*. Kiev: KGU.
- Chugunov, K. V., Parzinger, G., Nagler, A. 2017. *Carskij kurgan skifskogo vremeni Aržan 2 v Tuve*. Novosibirsk: IAET SO RAN.
- Yablonski, L. T., 2013. *Zoloto sarmatskih vozhdjev. Jelitnyj nekropol Filippovka 1 (po materialam raskopok 2004—2009 gg.)*. Katalog kolekcii. Moskva: IA RAN, 1.
- Čugunov, K. V., Parzinger, H., Nagler, A. 2010. *Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva*. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern.
- Fassbinder, J. W. E., Gorka, T., Chemyakina, M., Molodin, V., Parzinger, H., Nagler, A. 2013. Prospecting of Kurgans by magnetometry: Case studies from Kazakhstan, Siberia and the Northern Caucasus. In: Hookk, D. Yu. (ed.). *Virtual Archaeology (nondestructive methods of prospecting, modeling,*

reconstructions). *Proceedings of the First International Conference held at the State Hermitage Museum, 4–6 June 2012*. Sankt-Peterburg, p. 50-57.

Merhart, G. von 2008. *Daljoko. Bilder aus sibirischen Arbeitstagen*. Wien, Köln, Weimar: Böhlau.

Nagler, A., Samasev, Z., Parzinger, H., Nawroth, M. 2010. Sud-Kazachstan: Kurgane Asy Zaga, Kegen und Zoan Tobe. In: Boroffka, N., Hansen, S. (eds.). *Archäologische Forschungen in Kazachstan, Tadschikistan, Turkmenistan und Usbekistan*. Berlin: DAI, Eurasien-Abteilung, S. 49-54.

Nagler, A., Samasev, Z. 2010. Skythenzeitliche Kurgane in Ostkazachstan: Kurgan-Nekropole Aksuat. In: Boroffka, N., Hansen, S. (eds.). *Archäologische Forschungen in Kazachstan, Tadschikistan, Turkmenistan und Usbekistan*. Berlin: DAI, Eurasien-Abteilung, S. 47-48.

Nagler, A. 2013. Grabanlagen der frühen Nomaden in der eurasischen Steppe im 1. Jahrtausend v. Chr. Unbekanntes Kazachstan. *Archäologie im Herzen Asiens*, 2, S. 609-620.

Nagler, A. 2014. Ausgrabungen am Maikop-zeitlichen Grabhügel «Marfa» im Nordkaukasus. In: Hansen, S. (ed.). *Aktuelle Forschungen in Eurasien*. Berlin: s. n., S. 58-59.

Nagler, A. 2015. Neue interdisziplinäre Archäologische Untersuchungen eines Großkurgans in zentralem Kaukasusvorland. In: Kašuba, M., Reinhold, S., Alekšin, V. (eds.). *Der Kaukasus im Spannungsfeld zwischen Osteuropa und Vorderem Orient: Dialog der Kulturen, Kultur des Dialoges (im Gedenken an den 140. Geburtstag von Alexander A. Miller)*. Internationale Fachtagung für die Archäologie und Humboldt-Kolleg. Sankt-Petersburg: IGМК RAW, Eurasien-Abteilung DAI, Nevskaja Knihnaja Tipografija, S. 110-112.

Parzinger, H., Zajbert, V., Nagler, A., Plešakov, A. 2003. *Der große Kurgan von Bajkara. Studien zu einem skythischen Heiligtum*. Mainz: Philipp von Zabern. Archäologie in Eurasien, 16.

Parzinger, H., Nagler, A., Gotlib, A. 2010. Der tagarzeitliche Großkurgan von Barsučij Log in Chakassien. Ergebnisse der deutsch-russischen Ausgrabungen 2004—2006. *Eurasia Antiqua*, 16, S. 169-282.

Rolle, R., Mursin, V. Ju., Alekseev, A. Ju. 1998. *Königskurgan Čertomlyk. Ein skythischer Grabhügel des 4. vorchristlichen Jahrhunderts*. Mainz: Philipp von Zabern, I.

Treister, M., Yablonsky, L. (eds.). 2013. *Enflüsse der Achämenidischen Kultur im südlichen Uralvorland*. Wien, 2 Bde. Ancient Toreutics and Jewellery in Eastern Europe, 5.

A. Nagler

BARROWS OF EURASIA — THE NEW LOOK TO THE SITES AND NEW TASKS OF THEIR RESEARCH

The new method of the excavation and fixation of barrow mounds approved at the excavation of large barrows in Kazakhstan, Stavropol, and Tuva is described in the paper. As a result of research on this method the author obtained the undeniable evidence that the mound of a barrow was built in several steps from various soils using the clay mortar and turf «bricks». The author questions the accuracy and reliability of fixing the structure of the barrow mounds excavated by traditional methods and doubts the correctness of the term «the mound» since it was not filled but was built as an architectural structure.

Keywords: barrow, mound, mortar, stratigraphy, krepida, elite, Eurasia, early nomads.

Одержано 18.01.2018

НАГЛЕР Анатолій, доктор, науковий співробітник Євразійського відділу Германського археологічного інституту, Ім Дол, 2—6, II, Берлін, 14195, Німеччина, anatoli.nagler@dainst.de.

NAGLER Anatoly, Doctor, Research Fellow, Eurasian Department of Deutsches Archäologisches Institut, Im Dol 2—6, II, Berlin, 14195, Germany, anatoli.nagler@dainst.de.